© 2014 г.

А. М. Новичихин

К ПРЕДЫСТОРИИ СКИФО-СИНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Анализ античной литературной традиции, повествующей о войне скифов с рабами или потомками «слепых рабов», дает основания сопоставить это событие с произошедшим в позднем бронзовом веке конфликтом между населением Северного Причерноморья и предками или предшественниками синдов, одного из племен Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: скифы, синды, потомки «слепых рабов», боспорские оборонительные валы, поздний бронзовый век, Кавказ.

Наиболее известным свидетельством античной литературной традиции о взаимоотношениях двух древних народов Восточной Европы – скифов и синдов – является рассказ Геродота (IV. 28) о зимних походах скифов в земли синдов[1].

Гораздо меньше внимания обращается на сообщения двух авторов римского времени – Аммиана Марцеллина и Валерия Флакка, содержащих указания на ранний этап или даже предысторию скифо-синдских отношений. Аммиану Марцеллину, автору «Римской истории» (XXII. 8. 41), синды известны «только тем, что после несчастий, постигших их господ в Азии, они овладели их женами и имуществом» (пер. Ю.А. Кулаковского). В «Аргонавтике» Валерия Флакка (VI. 86) упоминаются «выродившиеся синды… еще ныне боящиеся ударов бичей вследствие преступления предков» (пер. В.В. Латышева).

Указанные свидетельства явственно перекликаются с известной по рассказам Геродота (IV. 2–4), Полиена (VII. 44. 2) и Помпея Трога (III. 5) легендой о борьбе скифов с рабами или же их потомками, причем указывают на синдов как на непосредственных участников этих событий. А.И. Иванчик обратил внимание на различие в изложении данного сюжета у Геродота и авторов римского времени. «Отец истории» рассказывает о борьбе вернувшихся из переднеазиатских походов скифов с сыновьями, рожденными их женами от скифских рабов. Полиен и Помпей Трог указывают на то, что скифам пришлось воевать непосредственно со своими рабами, вступившими в связь с оставленными на время походов женами[2].

Фольклорный сюжет о войне скифов с рабами (или же их сыновьями) неоднократно становился объектом исследования антиковедов и скифологов[3], однако, за

Новичихин Андрей Михайлович – научный сотрудник Анапского археологического музея.

[1] Новичихин 2009а, 13–17.

[2] Иванчик 2005, 225.

[3] Ростовцев 1918, 33; Блаватский 1954, 34; Смирнов 1966, 142–145; Тереножкин 1966, 40; 1977, 18, 19; Граков 1971, 36; Шелов 1972, 73, 74; Хазанов 1972, 161, 162; 1975, 133, 229; Артамонов 1974, 71; Ельницкий 1977, 186, 187; Грантовский 1980, 148–150; Мурзин 1990, 53–65; Алексеев 1992, 92; 2003, 153, 154.

исключением О.Н. Трубачева[4] и А.И. Иванчика[5], на возможную связь этих событий с синдами внимания никто не обращал. Сообщения Аммиана Марцеллина и Валерия Флакка не привлекались также исследователями, занимавшимися изучением истории Синдики.

В рассказе Геродота (IV. 1. 3) повествование о борьбе скифов с потомками слепых рабов выглядит следующим образом:

«Скифов, которые отсутствовали двадцать восемь лет и по истечении столь долгого времени возвратились в собственную страну, ожидали трудности не меньшие, чем [война] с мидийцами; они обнаружили, что им противостоит немалое войско: дело в том, что жены скифов, когда их мужья долгое время отсутствовали, вступили в связь с рабами… И вот дети, родившиеся от этих их рабов и жен, достигли юношеского возраста. Узнав об обстоятельствах своего рождения, они задумали воспротивиться тем, кто возвращался из страны мидийцев. И прежде всего отрезали страну, вырыв широкий ров, растянувшийся от Таврских гор до Меотийского озера, в том именно месте, где оно шире всего. Затем они, расположившись против пытавшихся вторгнуться скифов, вступили с ними в сражение. Так как скифы не могли добиться превосходства на поле в многократных битвах, один из них сказал следующее: “Что же мы делаем, мужи-скифы? Сражаясь с нашими рабами, мы и сами, погибая, становимся малочисленнее, и убивая их, мы впредь будем властвовать над меньшим их числом. Теперь, мне кажется, нужно отбросить копья и луки, и, взяв каждый по конскому кнуту, подойти к ним. Пока они видели нас с оружием в руках, они считали себя подобными нам и равного с нами происхождения. Когда же они увидят у нас кнуты вместо оружия, они поймут, что они наши рабы, и, признав это, не устоят”. Выслушав, скифы приступили к исполнению этого. Те же, ошеломленные случившимся, забыли о битве и обратились в бегство» (пер. И.А. Шишовой)[6]. Ров, сооруженный сыновьями слепых, «отец истории» упоминает еще раз при описании Скифии, указывая, что область скифов царских простирается на восток «до рва, выкопанного потомками слепых рабов» (Herod. VI. 20).

Помпей Трог (II. 5) в пересказе Юстина несколько иначе представляет развитие событий: «После третьего своего похода в Азию, когда скифы были в разлуке со своими женами и детьми в течение восьми лет, им пришлось у себя на родине вести войну с рабами. Дело в том, что жены их, устав ждать своих мужей в течение столь долгого времени и решив, что не война их задерживает, а что они погибли, повыходили замуж за рабов, оставленных для охраны стад. Рабы эти, когда господа их с победой возвратились домой, вооружились и не хотели впускать их в пределы страны, словно чужестранцев. После того как победа неоднократно переходила от одной стороны к другой, кто-то дал скифам совет переменить способ войны, памятуя, что им ведь приходится сражаться не со [свободными] врагами, а с [собственными] рабами; их надо попытаться победить не по праву войны, а по праву господ; нужно расстаться с мечами и заготовить розги, плети и прочие оружия наказания, которые внушают страх рабам. Решение это было одобрено. Снаряженные так, как было указано, скифы, подступив к врагам, стали грозить им поркой, чего те вовсе не ожидали, и настолько смутили этим рабов, что угрозой порки добились той победы, которой не могли добиться при помощи меча. Рабы обратились в бегство не как побежденные противники, а как беглые рабы. Те из них, кого удалось захва-

[4] Трубачев 1977, 25; 1999, 55, 295.

[5] Иванчик 2005, 225.

[6] Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 99, 101.

тить, были распяты на крестах. Также и женщины, знавшие за собой вину, сами закололись или повесились» (пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского).

Та же версия, но в более кратком изложении, приведена Полиеном (VII. 44. 2): «Скифы опустошали набегами Азию. Скифянки от рабов родили детей. Рабы возвратившихся хозяев не приняли. Началась война. Рабы, вооружившись, отрядами выступили навстречу. Один скиф, опасаясь отчаянного боя, посоветовал оружие и луки отбросить, а, угрожая плетьми, идти на рабов. Они, угрожая плетьми, напали, те же, не перенеся способ обращения, свойственный рабству, тотчас быстро убежали» (пер. И.В. Косинцевой).

Таким образом, видно, что в античной литературной традиции существовали две версии «рабской войны» скифов: по одной (версия Геродота), скифам пришлось воевать с потомками рабов, по другой (версия Трога-Полиена) – сражаться с самими восставшими против хозяев рабами. Отметим, что Геродот также сообщает о том, что всех рабов скифы ослепляют (IV. 2). Это обстоятельство делает рабов неспособными сопротивляться скифам и дает необходимость вывести на поле брани их сыновей, старшим из которых это вполне по силам. Следует указать, что ослепление рабов скифами не нашло сколь-либо правдоподобного объяснения: не исключено, что термин, обозначающий рабов, был неверно воспринят Геродотом[7]: очень возможно, что это был этноним одного из подвластных скифам племен[8]. Скифологи неоднократно высказывали предположение, что за переданным Геродотом рассказом в действительности кроется борьба скифов не с рабами как социальной группой скифского общества, а подчинение скифами царскими какого-то скифского или нескифского племени[9].

Л.А. Ельницкий предположил, что слепые (Τυφλοί) – это искаженная передача известного из Страбона (VII. 3. 19) этнонима тафрии, образованного от греческого τάφρος – «ров»[10]. Примечательно, что тафрии, по данным Страбона, жили близ Перекопа, неподалеку от Ахиллова Бега (Тендровской косы), т.е. по существу там, где Аммиан Марцеллин (XXII. 8. 41) помещал синдов. Складывается впечатление, что синды и тафрии – один и тот же народ, только второй термин – не этноним, а некое прозвище, связывающее синдов с каким-то рвом. Каким – становится понятно при сопоставлении сообщения Марцеллина с данными Геродота, – тем, который потомки слепых (?) рабов вырыли для защиты от скифов. Более того. Стефан Византийский со ссылкой на несохранившийся труд Домития Каллистрата сообщает, что «страну» Тафры «окружили рвами рабы, вступившие в связь со своими госпожами во время долговременной войны у скифов, когда господа их воевали с фракийцами или живущими по эту сторону Истра». Позднеантичный грамматик, в сущности, повторил уже известную из Геродота, Плиния и Помпея Трога легенду, правда, без упоминания войны между скифами и их рабами.

«Страна» Тафры уверенно локализуется в районе Перекопа: помимо свидетельств античных авторов в этом убеждает наличие к югу от Перекопского перешейка системы оборонительных рвов и валов. Связывать какой-либо из них с сооруженным сыновьями скифских рабов не представляется возможным – ана-

---

[7] По образному замечанию И.М. Дьяконова (1994, 116), информацию о Скифии Геродот получал «через грекоязычных базарных переводчиков».

[8] Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 203, 204.

[9] Ростовцев 1918, 33; Граков 1971, 36; Хазанов 1972, 162; Артамонов 1974, 70, 71; Яценко 1959, 109, 110.

[10] Ельницкий 1977, 141, 186.

лиз свидетельств письменных источников об этих оборонительных конструкциях убеждает в том, что они были сооружены не ранее рубежа III–II вв. до н.э.[11] То же, что Стефан Византийский вслед за Каллистратом поместил вырытый скифскими рабами ров в Северном Крыму, объясняется, по мнению исследователей, тем, что эта легендарная история, «будучи раз связанной с одним из рвов… могла быть перенесена и на другие»[12]. Отметим, что в немалой степени этому могло способствовать существовавшее в античной географической литературе представление о наличии в районе Перекопа синдских топонимов. Зарождение этой традиции, засвидетельствованной Плинием Старшим (NH. IV. 84) и Аммианом Марцеллином (XXII. 8. 41), объясняется иногда встречающейся у античных авторов путаницей – отождествлением двух рек, носящих одинаковое название: Гипаниса–Кубани, близ которой собственно проживали синды, и Гипаниса–Южного Буга[13]. Исходя из этого становится понятным, что ров, давший прозвище синдам, также совсем не обязательно искать в Северном Крыму – он мог находиться и вблизи исторической Синдики.

Действительно, в непосредственной близости от Синдики, в Восточном Крыму, имеется несколько крупных земляных оборонительных сооружений, сочетающих ров и вал и перерезающих Керченский полуостров в стремлении защитить его от нашествий с запада, со стороны Степного Крыма[14]. Участки некоторых из этих валов были исследованы археологически[15]. Следует сразу отметить, что из числа возможных объектов, связанных с сообщением Геродота, приходится исключить наиболее близкий к территории Синдики так называемый Киммерийский вал на Таманском полуострове[16]. В результате детальной археологической разведки и георадарного исследования окончательно установлено, что он имел продолжение по дну Таманского залива и являлся скорее не оборонительным, а гидротехническим сооружением[17].

Фундаментальное исследование проблемы восточнокрымских земляных пограничнo-оборонительных сооружений, предпринятое А.А. Масленниковым, убедительно показывает, что описанным Геродотом («широкий ров от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера») может быть только одно из них, самое западное – Ак-Монайский вал[18]. Это обстоятельство, несмотря на высказывавшиеся сомнения[19], указывает именно на Восточный Крым как на территорию, где шли военные действия между скифами и их рабами. При этом исследователь не исключает, что в раннескифское время могли подновить более древний, сооруженный в бронзовом веке (II тыс. до н.э.) оборонительный рубеж[20]. Следует указать, что оборонительные сооружения бронзового века отмечены в других местах

---

[11] Вдовиченко, Колтухов 1986, 144–154.

[12] Вдовиченко, Колтухов 1986, 151.

[13] Агбунов 1989, 61; Скржинская 1977, 25; Подосинов, Скржинская 2011, 267; Новичихин 2012, 42, 43.

[14] Шмидт 1941, 268–278; Гриневич 1946, С. 160–164; Сокольский 1957, 91–106; Масленников 1983, 14–22.

[15] Ермолин 2005, 171–173; 2010, 130–161; Колтухов, Труфанов, Уженцев 2003, 176–183; Масленников 1994, 176–184; 2001, 7–16; Мосейчук 1983, 74–77.

[16] Веселов 1957, 252–253; Кубланов 1959, 221–226; Воронов, Михайлова 1983, 137.

[17] Абрамов и др. 2003, 11–17.

[18] Масленников 2003, 250, 255.

[19] Мурзин 1984, 14; 1990, 61, 62.

[20] Масленников 2003, 250.

Керченского полуострова – к таковым относится так называемый Тиритакский вал, изначальное сооружение которого есть основания относить ко времени сабатиновской культуры эпохи поздней бронзы – XIV–XII вв. до н.э.[21] Исследователь допускает, что к периоду каменской или сабатиновской культур могло относиться и сооружение Ак-Монайского укрепления[22].

Возведение на Керченском полуострове в бронзовом веке протяженных оборонительных рвов и валов, по мнению А.А. Масленникова, было вызвано, в первую очередь, стремлением местного оседлого населения восточной части полуострова защититься от перемещений (перекочевок, миграций) степных племен на их земли и к переправам через Керченский пролив (Боспор Киммерийский) на Кавказское побережье[23].Укажем, что если уж вести речь о проливе, через который в древности была возможна переправа, по которой (судя по его названию – Боспор, «бычий брод») перегоняли главное богатство кочевников – скот, то население района, примыкающего к проливу с востока, со стороны Кавказа, было еще более заинтересовано в том, чтобы оградить свои земли от вторжения или даже заселения их пришельцами. Как отметил А.А. Масленников, подобного рода переселения с целью поиска и освоения новых удобных для ведения кочевого скотоводства земель, новой «более благоприятной среды обитания», несомненно, должны были сопровождаться изгнанием или же истреблением местного населения[24]. А уж коль скоро земли синдов находились в непосредственной близости к Таманскому архипелагу и Керченскому проливу, то становится понятным, что их предков или предшественников, населявших во второй половине II тыс. до н.э. эту территорию, следует рассматривать как одних из вероятных (наряду с населением Восточного Крыма) участников сооружения на Керченском полуострове рвов и валов, затрудняющих движение кочевникам с их стадами и громоздкими повозками.

Отметим, что фрагмент ковша с петлевидной ручкой, найденный в слое погребенной почвы под насыпью Тиритакского вала при его шурфовке и послуживший А.А. Масленникову одним из оснований для отнесения его сооружения к сабатиновскому времени[25], имеет, помимо приведенных исследователем аналогий из памятников сабатиновской и белозерской культур, еще одну, с территории исторической Синдики, – фрагмент ковша с ручкой из шурфа на поселении Раевское-4[26]. Данная находка может рассматриваться в качестве свидетельства определенной близости материальной культуры строителей Тиритакского вала и населения территории Синдики эпохи поздней бронзы.

Примечательно, что с Кавказа происходит единственный изобразительный памятник, представляющий собой своеобразную иллюстрацию к рассказу Геродота[27]. Это гравированное изображение всадника с подвешенной к узде человеческой головой на бронзовом поясе из погребения 76 Тлийского могильника,

---

[21] Масленников 2003, 215, 238.
[22] Масленников 2003, 218.
[23] Масленников 2003, 245–251.
[24] Масленников 2003, 247, 248.
[25] Масленников 2003, 215, рис. 142, *1*.
[26] Честных, Демичев 2005, 58, рис.
[27] Высказывавшееся некоторыми исследователями мнение о том, что борьба скифов с сыновьями слепых рабов изображена на серебряной обкладке горита из кургана Солоха несостоятельно, поскольку в представленной на ней сцене сражения пожилых и молодых мужчин в скифской одежде победу явно одерживают молодые (Черненко 1981, 74).

являющееся элементом сложной многофигурной композиции с фигурами животных и людей[28]. Исследователями неоднократно предпринимались попытки интерпретации композиции, изображенной на данном бронзовом поясе, причем фигуре всадника отводилось особое место в ее сюжете[29]. В.А. Ильинская привлекла это изображение в качестве иллюстрации имевшего место у скифов обычая отсечения головы убитого в бою или на судебном поединке врага (рис.)[30]. Автор раскопок, Б.В. Техов, привлекая соответствующий пассаж Геродота (IV. 64–66), сделал заключение, что гравированный рисунок свидетельствует о существовании в древности у племен Центрального Кавказа сходного со скифским обычая отсечения голов побежденных врагов[31].

Рис. Изображение всадника на бронзовом поясе из погребения 76 Тлийского могильника (по: Ильинская, 1982, рис. 7)

Однако, как представляется, информативный потенциал изображения всадника на поясе из погребения 76 еще не исчерпан. Его лук покоится в горите, висящем за спиной вместе с колчаном со стрелами. В правой руке всадника, поднятой вверх и вперед над головой коня, – плеть с тремя хвостами. К уздечке подвешена отсеченная голова врага, причем голова эта безбородая, но сам всадник бородат. Налицо апофеоз победы пожилого всадника над молодым безбородым юнцом. Причем победы без применения оружия (лук так и не вынут из горита), а «оружие победы» – плеть, угрожающе или торжествующе выставлена напоказ.

Первоначально автор раскопок, Б.В. Техов, относил погребение 76, в котором найден данный пояс, к группе захоронений XII–X вв. до н.э. и датировал его временем «не позже чем вторая половина X в. до н.э.»[32]. В одной из последних работ исследователь пересмотрел датировку содержавшего пояс комплекса, выделив в составе его инвентаря предметы, характерные для начальных столетий I тыс. до н.э., и в целом относя погребение 76 к доскифской эпохе[33]. В.А. Ильинская также считала, что данный комплекс «едва ли можно отнести ко времени позднее

---

[28] Техов 1963, 172–173, рис. 9; 1977, 129, рис. 99, *12*; 1999, 8, рис.; 10; 11, рис.; 2006, 231–238, рис. 53).

[29] Подробный историографический обзор работ, посвященных интерпретации сюжета гравированной композиции на поясе из погребения 76, приведен Б.В. Теховым (2006, 231–238).

[30] Ильинская 1983, 44, 45, рис. 7.

[31] Техов 1977, 130; 2006, 230. Этот жестокий обычай бытовал у народов Северного Кавказа вплоть до нового времени (Клычников 2004, 171–176).

[32] Техов 1977, 130.

[33] Техов 2006, 231.

середины VII в. до н.э.»[34]. Ю.Н. Воронов допускал, что погребение 76 может относиться к скифскому времени и датировал его серединой – третьей четвертью VII в. до н.э.[35] В.С. Ольховский также предлагал датировать пояс из Тли VII в. до н.э.[36]

Войну вернувшихся из переднеазиатских походов скифов с мятежными рабами относят к началу VI в. до н.э.[37] Таким образом, гравированный рисунок на бронзовом поясе появился раньше событий, описываемых Геродотом, хотя, очень вероятно, что он иллюстрирует похожее или даже то же самое событие – победу старшего по возрасту воинства над молодыми врагами. Создается впечатление, что рассказ Геродота донес до нас сюжет какого-то древнего кавказского эпоса, переработанный применительно к событиям ранней скифской истории. В этой связи примечательно указание Ж. Дюмезиля на существовании в осетинском нартовском эпосе сказания о посрамлении и гибели «сына слепого гиганта», сопоставимого, по мнению исследователя, со скифским преданием о «сыновьях слепых», пересказанным Геродотом[38].

Отметим, что тлийское погребение 76 отнесено к группе захоронений начала I тыс. до н.э., а сам могильник начал функционировать еще в XVI–XIII вв. до н.э.[39] Начальный этап существования могильника по времени совпадает с периодом строительства древнейших оборонительных сооружений Восточного Крыма. Очень возможно, что создатели могильника были современниками событий, связанных со строительством и обороной боспорских валов, а ко времени, когда было совершено погребение 76, воспоминание о них вошло в кавказский эпос и оказалось запечатленным древним художником вместе с другими эпическими сценами на бронзовом поясе.

Судя по рассказу Геродота и по гравировке на поясе из Тли победу одержало старшее поколение, олицетворяющее применительно ко II тыс. до н.э. степное кочевое население, стремящее к Боспору и далее на восток, в степи Предкавказья. В этой связи небезынтересным будет одно археологическое наблюдение. По оценке И.А. Сорокиной сосуды из курганных погребений эпохи поздней бронзы Прикубанья по форме отличаются от керамики срубной культуры Подонья и Поволжья и находят аналогии в керамике сабатиновской культуры Северного Причерноморья[40]. Это обстоятельство привело исследовательницу к выводу о проникновении носителей срубной культуры из Северного Причерноморья на Кубань на сабатиновском этапе ее развития – в XIII–XII вв. до н.э.[41] Отметим, что погребения с аналогичной керамикой открыты и на территории исторической Синдики[42].Таким образом, нельзя исключать того, что в эпоху поздней бронзы могла иметь место миграция какой-то группы носителей сабатиновской культуры на Кубань через Боспорский пролив и земли будущей Синдики. И миграция эта столкнулась с сопротивлением оказавшегося под угрозой вражеского вторжения местного населения Восточного Крыма и низовий Кубани, археологические реалии которого сохранились в виде древнейших оборонительных сооружений Керченского полуострова. Сопротив-

---

[34] Ильинская 1982, 45.
[35] Воронов 1980, 205.
[36] Ольховский 2001, 155.
[37] Кузнецова 2008, 110, 112.
[38] Дюмезиль 1995, 81–83.
[39] Техов 1977, 13; 2006, 217.
[40] Сорокина 1986, 121.
[41] Сорокина 1985, 146, 147; 1986, 121.
[42] Новичихин 2010б, 270–272.

лением, судя по эпическому сюжету и археологическим находкам, оказавшимся безуспешным.

На древность события указывает то обстоятельство, что Валерий Флакк связал известный ему конфликт с «преступлением предков» синдов. Чуть далее в «Аргонавтике» упоминаются эксоматы, которые «спасаются бегством по хрупким водам Гипаниса» (VI. 144). В «эксоматах» узнаются язаматы (иксибаты, иксоматы, меоты-скифы), которых с районом Гипаниса-Кубани связывают только авторы VI–V вв. до н.э. (Гекатей Милетский (FHG, fr. 166), Гелланик (FHG, fr. 92)), помещающие их по соседству с Синдикой. В IV в. до н.э. античная письменная традиция (Ps.-Scymn. 874–885) фиксирует язаматов уже в северо-восточном Приазовье[43]. Это дает основания предполагать, что сведения Валерия Флакка о племенах Кубани и Приазовья восходят к VI–V вв. до н.э., т.е. ко времени вскоре после утверждения скифов в Северном Причерноморье, одним из событий которого, согласно Геродоту, была их война с потомками слепых рабов. В таком случае в предках синдов следует видеть племена, населявшие Западное Закубанье в предскифский период.

Однако трудно представить, что Геродот с абсолютной точностью передал историческое предание, отстоящее от его времени на несколько столетий. Само участие в описанных «отцом истории» событиях скифов, массовое освоение которыми Северопричерноморского региона началось не ранее середины VII в. до н.э.[44], указывает на то, что в раннескифский период произошло некое событие, возродившее древнюю легенду и наделившее ее новым содержанием. Иначе говоря, синды должны были стать участниками какого-то вооруженного конфликта со скифами, либо связанного с восточнокрымскими оборонительными валами, либо произошедшего где-то поблизости от них.

Таким событием, вероятно, послужил скифо-синдский конфликт, известный из сообщения того же Геродота (IV. 28): «Замерзает море и весь Боспор Киммерийский. И скифы, живущие по сю сторону рва, совершают по льду военные походы и перегоняют крытые повозки на противоположный берег, на землю синдов» (пер. И.А. Шишовой)[45]. Эти походы относятся к началу V в. до н.э. и связываются с традиционным для номадов стремлением скифов установить «дистанционную эксплуатацию» синдов, выражающуюся в спорадическом собирании с них дани[46]. Не исключено, что на начальном этапе синды действительно стали данниками скифов – косвенным свидетельством этому служит упоминание Лукианом (Toks. 55) о некой былой зависимости синдов от скифов. Вторжения скифов в Синдику подтверждаются сделанными здесь находками предметов, преимущественно элементов конского снаряжения, характерных для материальной культуры Лесостепной Скифии первой половины V в. до н.э.[47]

В этой связи заслуживает внимания предположение, высказанное В.П. Толстиковым. Реконструируя политическую ситуацию на Боспоре в VI–V вв. до н.э., исследователь пришел к выводу о том, что жители расположенных здесь греческих полисов в начале V в. до н.э. также столкнулись со скифской экспансией, имевшей место в ходе указанных походов скифов через Керченский пролив в «землю синдов». Пытаясь препятствовать ей, они, помимо укрепления своих городов, возвели

---

[43] Каменецкий 1971, 165–170; 2000, 220–237; Новичихин 2009в, 16–20.
[44] Алексеев 1992, 56, 57; 2003, 27.
[45] Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 111.
[46] Виноградов 1983, 400, 402; Шелов-Коведяев 1985, 66, 67; Новичихин 2009а, 13–17.
[47] Новичихин 2009а, 13–17.

или восстановили в северной части Керченского полуострова уже упоминавшийся Тиритакский вал. Проанализировав трудозатраты, необходимые для возведения или восстановления этого грандиозного оборонительного сооружения, исследователь пришел к выводу, что для сооружения Тиритакского вала потребовался бы труд 7–8 тысяч человек на протяжении двух лет. Людских ресурсов боспорских городов, объединенных под властью Археанактидов, для этого было недостаточно. По мнению В.П. Толстикова, помощь боспорским эллинам в сооружении Тиритакского оборонительного рубежа могли оказать только синды, не в меньшей степени заинтересованные в возможности оградить свои земли от скифских вторжений. Участие дополнительных контингентов могло значительно сократить сроки возведения оборонительного рубежа. Учитывая масштаб и необходимость организации проведения строительных работ, В.П. Толстиков допускает даже возможность создания направленного против скифов синдо-боспорского военного союза[48].

Свидетельствами вероятности существования такого рода союза могут служить некоторые материалы исследованного в Синдике могильника у хут. Рассвет. На этом синдском некрополе открыта группа погребений вооруженных мужчин, датирующаяся концом VI – началом V в. до н.э., т.е. временем скифской экспансии. Причем эти погребения – наиболее насыщенные предметами греческого импорта комплексы могильника. Это обстоятельство свидетельствует об активизации контактов воинской прослойки населения, оставившего могильник, с боспорскими греками, вполне объяснимой в рамках предполагаемого В.П. Толстиковым антискифского военно-политического союза[49].

Таким образом, начавшиеся в первой половине V в. до н.э. зимние походы скифов в земли синдов весьма вероятно повторили ситуацию, имевшую место в позднем бронзовом веке, и могли возродить древний эпический сюжет, наполнив его этнографическими и географическими реалиями скифской эпохи. Укажем, что Геродоту, видимо, тоже был известен какой-то фольклорный сюжет, связывающий синдов со рвом: недаром же «отец истории» указал, что походы в землю синдов совершают скифы, живущие «по сю сторону рва» (Herod. IV. 28).

Литература

1. *Абрамов А.П.*, *Васильев А.Г.*, *Копейкин В.В.*, *Морозов П.А.* 2003: Модификация георадаров для морских подводных работ // ДБ. 6, 11–17.
2. *Агбунов М.В.* 1989: Путешествие в загадочную Скифию. М.
3. *Алексеев А.Ю.*1992: Скифская хроника. СПб.
4. *Алексеев А.Ю.* 2003: Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб.
5. *Артамонов М.И.* 1974: Киммерийцы и скифы. Л.
6. *Блаватский В.Д.* 1954: Рабство и его источники в античных городах Северного Причерноморья // СА. XX, 31–56.
7. *Вдовиченко И.И.*, *Колтухов С.Г.* 1986: Древние укрепления Северного Крыма (По данным античных письменных источников) // ВДИ. 2, 145–155.
8. *Веселов В.В.* 1957: О киммерийском вале на Таманском полуострове // СА. 3, 252–254.
9. *Виноградов Ю.Г.* 1983: Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса / Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, А.И. Павловская, Э.Д. Фролов (ред). М., 366–420.
10. *Воронов А.А.*, *Михайлова М.Б.* 1983: Боспор Киммерийский. М.

[48] Толстиков 1984, 34–39.

[49] Новичихин 2009б, 290, 291; 2010а, 255, 256.

11. *Воронов Ю.Н.* 1980: О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ / А.И. Тереножкин (ред.). Киев, 200–218.
12. *Граков Б.Н.* 1971: Скифы. М.
13. *Грантовский Э.А.* 1980: Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 4, 128–155.
14. *Гриневич К.Э.* 1946: Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. 2, 160–164.
15. *Дьяконов И.М.* 1994: Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА. 1, 108–116.
16. *Дюмезиль Ж.* 1996: Легенды о «сыновьях слепых» на Кавказе и Прикавказье // ЭО. 5, 81–93.
17. *Ельницкий Л.А.* 1977: Скифия евразийских степей. Новосибирск.
18. *Ермолин А.Л.* 2005: Охранные раскопки на территории г. Керчи при прокладке трассы газопровода ГРС // ДБ. 8, 171–183.
19. *Ермолин А.Л.* 2010: О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. 14, 130–161.
20. *Иванчик А.И.* 2005: Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва–Берлин.
21. *Ильинская В.А.*1982: Изображения скифов времени переднеазиатских походов // Древности степной Скифии / А.И. Тереножкин (ред.). Киев, 38–47.
22. *Каменецкий И.С.* 1971: О язаматах // Проблемы скифской археологии (МИА. 177). М., 165–170.
23. *Каменецкий И.С.* 2000: О язаматах // *Каменецкий И.С.* Археологические памятники меотов на Кубани. Краснодар, 220–237.
24. *Клычников Ю.Ю.* 2004: «Труп холодный мертвеца в землю с честию не лег…». Отношение к павшим в реалиях войны на Кавказе // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год. Дикаревские чтения (10) / М.В. Семенцов (ред.). Краснодар, 171–176.
25. *Колтухов С.Г.*, *Труфанов А.А.*, *Уженцев В.Б.* 2003: Новые материалы к строительной истории Узунларского рва и вала // ДБ. 6, 176–183.
26. *Кубланов М.М.* 1959: К истории Азиатского Боспора (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан) // СА. XXXIX–XXX, 203–226.
27. *Кузнецова Т.* 2008: Скифы и Ближний Восток (7–6 вв. до н.э.) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи / З. Самашев (ред.). Астана, 106–113.
28. *Масленников А.А.* 1983: Еще раз о боспорских валах // СА. 3, 14–22.
29. *Масленников А.А.*1994: Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. 4, 176–184.
30. *Масленников А.А.* 2001: К истории Узунларского вала в Восточном Крыму // КСИА. 212, 7–16.
31. *Масленников А.А.* 2003: Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.
32. *Мосейчук Б.С.* 1983: Аккосов вал // КСИА. 174, 74–77.
33. *Мурзин В.Ю.* 1984: Рассказ Геродота о борьбе скифов с «потомками слепых» и Керченский полуостров // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Материалы конференции. Керчь, 14.
34. *Мурзин В.Ю.* 1990: Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.
35. *Новичихин А.М.* 2009а: К вопросу о походах скифов в земли синдов (Herod. IV, 28) // Былые годы. 2, 13–17.
36. *Новичихин А.М.* 2009б: Могильник у хут. Рассвет: вопросы культурной принадлежности и этнической атрибуции // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 288–291.
37. *Новичихин А.М.* 2009в: Об этнической принадлежности курганных погребений раннескифского времени в Западном Закубанье // Былые годы. 3, 16–20.
38. *Новичихин А.М.* 2010а: Заключение // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хут. Рассвет (Некрополи Черноморья III) / А.А. Малышев (ред.). М., 252–256.
39. *Новичихин А.М.* 2010б: Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы в районе Анапы // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 270–272.
40. *Новичихин А.М.* 2012: О синдской топонимии в Северо-Западном Причерноморье // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VIII Международной научной конференции. Харьков, 42–43.

41. *Ольховский В.С.* 2001: Рельеф с поселения Юбилейное: этнографические и фольклорные реалии // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?) / Е.А. Савостина (ред.). М.–СПб., 144–163.
42. *Подосинов А.В.*, *Скржинская М.В.* 2011: Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М.
43. *Ростовцев М.И.* 1918: Эллинство и иранство на Юге России. Пг.
44. *Скржинская М.В.* 1977: Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.
45. *Смирнов А.П.*1966: Скифы. М.
46. *Сокольский Н.И.* 1957: Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА. XXVII, 91–106.
47. *Сорокина И.А.* 1985: Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. 3, 136–151.
48. *Сорокина И.А.* 1986: Курганный могильник Греки IV в степном Прикубанье // КСИА. 188, 114–122.
49. *Тереножкин А.И.* 1966: Об общественном строе скифов // СА. 2, 33–49.
50. *Тереножкин А.И.* 1977: Общественный строй скифов // Скифы и сарматы /А.И. Тереножкин (ред.). Киев, 3–28.
51. *Техов Б.В.* 1963: Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. // СА. 1, 162–178.
52. *Техов Б.В.* 1977: Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.
53. *Техов Б.В.* 1999: Кобано-тлийская археологическая культура // ДА. 3–4, 6–13.
54. *Техов Б.В.* 2006: Археология южной части Осетии. Владикавказ.
55. *Толстиков В.П.* 1984: К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 3, 24–48.
56. *Трубачев О.Н.* 1977: Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 6, 13–29.
57. *Трубачев О.Н.* 1999: INDOARICA в Северном Причерноморье. М.
58. *Хазанов А.М.* 1972: О характере рабовладения у скифов // ВДИ. 1, 159–170.
59. *Хазанов А.М.* 1975: Социальная история скифов. М.
60. *Черненко Е.В.* 1981: Скифские лучники. Киев.
61. *Честных Д.В.*, *Демичев К.А.* 2005: Хора Раевского городища // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора / А.А. Малышев (ред.). Москва–Новороссийск, 57–59.
62. *Шелов Д.Б.* 1972: Социальное развитие скифского общества // ВИ. 3, 63–78.
63. *Шелов-Коведяев Ф.В.* 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 г. М., 5–187.
64. *Шмидт Р.В.* 1941: К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. VII, 268–279.
65. *Яценко И.В.* 1959: Скифия VII–V вв. до нашей эры // Труды ГИМ. 36. М.

ON THE PREHISTORY OF SINDO-SCYTHIAN RELATIONS

A. M. Novichikhin

The proposed analysis of ancient written sources referring to the war between the Scythians and slaves or descendants of the «blind slaves» allows the author to connect the event with a Late Bronze Period conflict between the population of the North Pontic Area and the ancestors or predecessors of the Sindi, one of the peoples inhabiting the North-Eastern Caucasus.

Keywords: Scythians, Sindi, descendants of the «blind slaves», Bosporan defensive earthwork, Late Bronze Period, Caucasus.